
Одинъ изъ многихъ.

Жители глухой улицы на самой окраинѣ г. Торжка знаютъ одну старушку. Сѣдая, старенькая, несущая на своихъ плечахъ 70 лѣтъ жизни, она не сидитъ безъ дѣла. Ее можно встрѣтить съ корзиной на рынкѣ, съ бѣльемъ на рѣкѣ и на улицѣ, согнувшуюся подъ тяжестью коромысла. Семьдесятъ лѣтъ она живетъ на свѣтѣ и, должно-быть, всю свою долгую жизнь работаетъ. Что такое отдыхъ, покой, довольство, радость, она не знаетъ. Это выпало на долю другихъ людей. Она не запомнитъ свѣтлыхъ, весеннихъ дней жизни.

Впрочемъ, въ послѣдніе 3—4 года старушка была довольна. Она вздохнула свободно. У ней служилъ на Дальнемъ Востока, въ Портъ-Артурѣ, сынъ. Хорошо служилъ и ее не забывалъ, мать

свою. На закатѣ дней старушка предвкушала отдыхъ. Родной сынъ позаботится, и глаза, когда нужно, закроеть... Но пока по-свали ноги, старушка ходила, и попрежнему тяжелое коромысло давило ея старческія плечи. Отдохнуть она желала, когда силы оставять, но праздности не понимала. Она и не думала жить на чужой счетъ, безъ всякаго дѣла.

На дняхъ сосѣди видятъ старуху: идетъ она по улицѣ и горько, безутѣшно плачетъ. Ей сказали, что сынъ, ея радость и надежда, погибъ, утонулъ вмѣстѣ съ другими 31 марта на броненосцѣ «Петропавловскѣ».

Читая о постигшей нашъ флотъ катастрофѣ съ броненосцемъ, въ числѣ именъ погибшихъ офицеровъ все видѣли, вѣроятно, имя іеромонаха Алексѣя. Погибъ онъ, какъ и прочіе, преждевременною, мгновенною смертію и позади себя оставилъ ужасное горе. Старушка, живущая въ Торжокѣ на глухой улицѣ, его мать. Она вдова псаломщика села Млевичи, Новоторжскаго уѣзда. Ее зовутъ Елена Ивановна Раевская. Кромѣ Алексѣя (въ мѣрѣ Александра), у нея еще были сынъ и дочь. Но этотъ сынъ давно умеръ, умерла и дочь. Последняя была замужемъ и овдовѣла, оставивъ бабушкѣ двухъ большихъ внучатъ. Горе не ходить одно. Лишившись мужа, старушка лишилась и дома. Все сгорѣло у нея во Млевичахъ. По-неволѣ пришлось перебраться сначала въ Старицу, а потомъ въ Торжокъ.

Вся надежда бѣдной вдовы покоилась на старшемъ сынѣ, Александрѣ. Образованія ему не дали: не на что было. Онъ кончилъ только сельскую школу. Семнадцати лѣтъ поступилъ въ Новоторжскій Борисоглѣбскій монастырь послушникомъ. Это былъ послушникъ въ буквальномъ смыслѣ. За свое смиреніе, покорность, замѣчательную скромность и набожность сталъ повышаться по лѣтницамъ монастырскаго званія. Его сдѣлали іеромонахомъ и вскорѣ дали мѣсто казначея въ Старицкомъ монастырѣ. Отсюда онъ перепросился во флотъ. Все хотѣлось бѣдной матери помочь, роднымъ, племянницамъ. Вѣдь вся эта голь и нищета смотрѣла

на о. Алексѣя, какъ на каменную стѣну. Въ ихъ глазахъ едва ли кто былъ выше о. Алексѣя. Года три о. Алексѣй плавалъ на судахъ балтійскаго флота, а лѣтъ пять назадъ уѣхалъ въ Портъ-Артуръ сначала на броненосецъ «Наваринъ», а потомъ на «Петропавловскъ». На послѣднемъ о. Алексѣй былъ около трехъ лѣтъ. Въ послѣднихъ письмахъ къ матери о. Алексѣй писалъ, что очень скучаетъ и ждетъ—не дождется увидѣть родныя мѣста. Въ декабрѣ 1903 года онъ сообщалъ своей матери: «Я собираюсь въ родные края. Если будетъ угодно Богу, приѣду въ февралѣ или мартѣ 1904 года. Ужъ очень я сталъ скучать»... А въ послѣднемъ письмѣ отъ 9 марта 1904 года извѣщаетъ: «Я сдѣланъ благочиннымъ надъ духовенствомъ тихоокеанской эскадры. У меня 18 церквей... Лучше бы уѣхать отсюда, только нельзя: началась война. Посылаю тебѣ, матушка, денегъ, передай тому-то и тому-то»... Въ четвергъ на Пасхѣ, 1 апрѣля, въ 5 час. утра, Елена Ивановна получила отъ сына телеграмму: «Христосъ воскрес. Поздравляю. Алексѣй». Въ Портъ-Артурѣ телеграмма помѣчена «31 марта 10 часовъ утра». Очевидно, о. Алексѣй послалъ свое предсмертное привѣтствіе предъ роковымъ выходомъ «Петропавловска» изъ внутренняго рейда въ открытое море, а почтово-телеграфная контора отправила телеграмму въ Торжокъ или за нѣсколько минутъ до взрыва, или сряду послѣ него. Въ тотъ же день, въ 9 часовъ утра, Елена Ивановна получила отъ сына и письмо, помѣченное 9 марта, а въ 7 час. веч. того же 1 апрѣля старушкѣ сказали, что ея сынъ погибъ.

Вечеромъ 4 апрѣля я навѣстилъ несчастную мать. Маленькій деревянный флигель, покосившійся, полусгнившій. Грязный дворъ, скрипучее открытое крыльцо. Мнѣ сказали, что она живетъ въ задней половинѣ. Представьте себѣ крошечную каморку въ одну квадратную сажень. Убогая мебель, двѣ кровати. Въ углу предъ образами лампадка. Заходящее солнце бросало послѣдніе лучи на стѣну съ фотографіями. Одна карточка побольше—о. Алексѣя, и прислана недавно. Очень симпатичное лицо. Въ монашескомъ бло-

букъ, очевидно, высокій, правильныя черты лица. Носъ немного длинный, окладистая борода. Меня поразило добродушіе и еще какая-то неуловимая черта, дѣлающая лицо о. Алексѣя весьма привлекательнымъ. На груди три наперсныхъ креста и двѣ медали. Ему 40 лѣтъ. 18 апрѣля прошлаго 1903 г. о. Алексѣй получилъ отъ Св. Синода золотой наперсный крестъ. Старушка показала мнѣ документъ, висѣвшій на стѣнѣ, рядомъ съ фотографіей. Только и осталось бѣдной старухѣ отъ сына—портретъ да этотъ документъ. Остальное все погибло въ волнахъ Тихаго океана.

Царство небесное о. Алексѣю! Жизнь его кончилась въ общей ужасной драмѣ, которую не забудутъ русскіе люди. Драма въ Тихомъ океанѣ оставила по себѣ слѣдъ въ разныхъ углахъ нашей родины, оставила и въ Торжкѣ, въ задней каморкѣ мѣщанской лачуги.

(Церков. Вѣстникъ).